

Они покинули сектор ROEDLAS. Тусклое изумрудное свечение снаружи уже начало угасать, а когда они миновали глубоководную галерею, в рабочей зоне базы воцарилась полная тишина — засидевшихся допоздна коллег почти не было видно.

— Ты ведь не думаешь, что я смогу сонастроиться с ним? — удивился Хань Цзин, когда понял, что Морис привёл его напрямик к лаборатории Берджесса. Он недоуменно покачал головой: — Без авторизации Берджесса нам ни за что не запустить это энергетическое кольцо Атлантиды.

— Это не просто кольцо, — негромко отозвался Морис, направляясь к пульсирующему оранжевому обручу, внутри которого жидким пламенем переливалась энергия. — Перед тобой межзвёздный навигатор Атлантиды. В нём сокрыты карты квадриллионов звёздных систем — своего рода космический GPS. И это лишь та ничтожная часть, которую мы смогли расшифровать и подтвердить...

Перед ними бесшумно соткалась прозрачная световая преграда, и в пустом, гулком зале раздался бесстрастный синтезированный голос:

«Пожалуйста, подтвердите уровень допуска».

Морис вскинул левую руку, подставляя закреплённый на запястье коммуникатор под лазерный луч сканера. Через мгновение преграда растаяла, а вросшие в стены кристаллы Туаой мягко разгорелись, наполняя рабочую зону ровным светом.

— Ты наверняка обращал внимание на эти две координаты... — Морис ступил на возвышение энергетического кольца. Под его подошвами стремительно побежали световые ручейки, концентрируясь у края платформы в безупречный узор — уменьшенную проекцию Звёздных врат.

Морис взаимодействовал с наследием Атлантиды поразительно легко — в сотни раз естественнее, чем Хань Цзин. Ему не нужно было зажмуриваться, пытаясь силой воображения вызвать образ первозданного хаоса. Он просто стоял во весь рост, сохраняя своё обычное холодное величие, а вокруг него послушно расцветала Солнечная система.

Повинуясь его словам и мимолётным мыслям, Солнце, Земля и далёкий Харон плавно вращались и выплывали прямо к Хань Цзину, словно ведомые невидимой дланью творца. Хань Цзин заворожённо смотрел на это, понимая, что сам он подобным могуществом не обладает.

«Мне под силу лишь вызвать к жизни общую картину Солнечной системы, — изумлённо подумал он. — Но я и представить не мог, что каждым небесным телом, бушующим магнитным штормом и даже невесомой космической пылью можно управлять вот так, вручную!»

«Неужели Морис... неужели он и есть тот самый человек, о котором когда-то упоминал генерал Шерман? Тот, чья связь с Атлантидой во много раз превосходит мою?»

Созерцая парящую в ладони Мориса лазурную планету, Хань Цзин чувствовал себя окончательно покорённым этой демонстрацией.

— Так вот почему тебя назначили фронтовым командующим? — Хань Цзин сложил воедино детали их прошлого разговора. Теперь ему стало предельно ясно, как именно Морису удалось выделиться среди двадцати пяти высших офицеров.

— Верно. Наследие Атлантиды берёт свою цену, отравляя мой разум, но оно же открыло передо мной небывалые карьерные высоты. Полагаю, во вселенной действует закон равновесия: приобретая одно, мы неизбежно теряем другое. И даже эта великая цивилизация не была исключением...

В лазурном взгляде генерала промелькнула тень. В глубине души вновь шевельнулась смутная, гнетущая тоска. Морис не знал её природы, но каждый раз, стоило ему глубоко задуматься об Атлантиде, это призрачное эхо неизменно настигало его. Почти неосязаемое, неуловимое, но властное — оно словно предостерегало его о чём-то...

Отгнав эти мысли, Морис плавным движением протянул руку, и лазурный шар Земли послушно скользнул к кончикам его длинных пальцев.

— Такой наша планета была миллионы лет назад: чистейшая лазурь океанов, буйная зелень первозданных лесов и практически полное отсутствие иссушенных жёлтых пустынь. — Морис стоял посреди сотворённой им бездны и небрежно вращал объёмную модель планеты, словно обычный глобус. — Странные знаки рядом — это руны Атлантиды, обозначающие пространственно-временные координаты.

— Откуда у тебя такая уверенность, что эти знаки — именно их численные координаты? — Хань Цзин поправил очки, и на его лице появилось строгое, сосредоточенное выражение, свойственное учёным. Во всех доступных ему архивных базах загадочные символы подле Земли и Харона сопровождались лишь пометкой уровня «А» — «не расшифровано».

— Если я скажу, что разгадал их во сне, ты сочтёшь это безумием? — с лёгкой полуулыбкой парировал Морис, возвращая собеседнику его же недавние слова.

— Во сне? — Хань Цзин на мгновение задумался, сводя брови к переносице. — Я верю тебе, Морис. Но скажи, ведь именно ты незаметно добавил эти координаты в общую схему расчётов для Звёздных врат? И именно по твоему распоряжению любые исследования на эту тему сворачивались, стоило им зайти слишком далеко — у этих данных нет абсолютно никакой теоретической базы в нашей науке.

— Не только эти две цифры. Все те необъяснимые нестыковки в расчётах, над которыми ты безуспешно бился последние дни, — моих рук дело. И сегодня я привёл тебя сюда, чтобы ты воочию увидел то, к чему мы стремимся...

Не успело замереть последнее слово, как знакомая проекция Солнечной системы растаяла без следа. Пространство раздвинулось, и они очутились в самом сердце первозданного космоса — ничтожно малые, затерянные в звёздном океане. Вокруг больше не было привычных созвездий и всполохов плазмы. Вместо них величественно разворачивались исполинские, вечно меняющиеся галактики: одни закручивались лососево-красными спиралями, другие сияли нежно-сиреневыми эллипсами, третьи расплывались изумрудными туманностями причудливых очертаний. На этом грандиозном фоне даже прожорливые чёрные дыры выглядели крошечными, с горошину, темными пятнышками.

Наша родная галактика отсюда казалась лишь едва заметной пылинкой, тусклым световым пятнышком на задворках мироздания. И у каждого из этих величественных звёздных скоплений сияли пространственные маркеры Атлантиды...

Морис стоял посреди этого невообразимого величия, словно демиург, сотворивший этот мир. Он управлял бесконечным звёздным куполом единым лишь усилием воли, и на его бледном лице не отражалось ни тени усталости — разум генерала не содрогался от той удушающей, парализующей боли, которая обычно настигала Хань Цзина при попытках докопаться до секретов Атлантиды.

Лососевые, сиреневые, дымчато-белые... Галактики сливались в ослепительные неоновые росчерки, проносясь мимо них со скоростью, стирающей само понятие времени. Они преодолевали немыслимые бездны космоса, исчисляемые миллионами световых лет, — масштаб, который Хань Цзин даже не брался вообразить. Наконец стремительный полёт прекратился. Они замерли на пороге колоссального звёздного скопления, по сравнению с которым Млечный Путь казался хрупким младенцем рядом с могучим титаном.

Мириады звёзд теснились здесь так близко друг к другу, что их невероятная концентрация могла бы внушить суеверный трепет. Морис приближал светило за светилом, и сквозь кружево космической пыли проступали очертания обитаемых миров. На их поверхностях отчётливо угадывались следы колоссального техногенного вмешательства. Хань Цзин не сомневался: цивилизации некоторых из этих планет стояли как минимум на одной ступени развития с человечеством.

«Но ведь перед нами звёздная карта, составленная миллионы лет назад! — Хань Цзин невольно нахмурился, и в его душе шевельнулась тревога. — Какого могущества достигли эти цивилизации за прошедшие эпохи? И чем обернётся их открытие для нашей Солнечной системы, затерянной на безжизненных окраинах изученной вселенной — благословением или гибелью?»

Ему вспомнилось сильно повреждённое голографическое послание уцелевшего атланта. Из-за колоссальных искажений от его речи остались лишь крупницы информации, а самое важное кануло в небытие. Почему древние выбрали для спасения бесплодный Млечный Путь на самом краю мироздания? Ведь в те незапамятные времена наша галактика едва ли могла поддерживать жизнь. Почему они не попытались сберечь свою культуру здесь, среди цветущих миров? Или... эта система уже тогда была обречена, пав жертвой той самой легендарной космической чумы?

Морис указал на планету, явно находившуюся на пике технологического расцвета. Её орбиту кольцом опоясывали циклопические искусственные крепости, а бесчисленные суда прочерчивали бездну аккуратными световыми штрихами, курсируя по строго заданным невидимым трассам.

— Их технологии опережают наши на целые эпохи... — Морис отстранил изображение взмахом руки. — Учитывая колоссальные риски, миры с подобным потенциалом — и даже те, что близки к нам по уровню, — мы полностью исключили из программы первого этапа экспедиции. Слишком много времени утекло...

Он последовательно отмёл ещё несколько вариантов, пока его выбор не остановился на скромном небесном теле на самой границе обитаемой зоны. На нём не было заметно ни малейших следов разумного присутствия.

— Судя по предварительным данным, планета X-III всё ещё находится на первобытной стадии. В её звёздной системе нет и намёка на космическую экспансию. Пожалуй, это идеальный кандидат для первого прыжка.

Под подушечками его пальцев голубая сфера стремительно увеличилась в размерах. Поверхность небесного тела оказалась окутана чистейшей океанской синевой без единого намёка на сушу. Лишь тонкие спирали белоснежных облаков лениво плыли в атмосфере, а рядом тускло светились угловатые символы координат, удивительно похожие на земные маркеры атлантов.

— Морис... ты хочешь сказать, что Звёздные врата способны перенести нас через бездну в миллионы, если не в миллиарды световых лет?! Прямо в сердце этой невероятной, утопающей в технологиях системы?! — Хань Цзин ошеломлённо замер, его голос прерывался от волнения и изумления.

— В теории — да, — Морис задумчиво прижал пальцы к подбородку. — Но пока это лишь наши математические модели. Истину мы узнаем только тогда, когда врата распахнутся. Разумеется, мы сделаем всё, чтобы минимизировать риски. Сначала в неизвестность уйдут автоматические зонды, и лишь после детального анализа полученных данных через порог переступят первые люди. Добровольцы.

— Ты кажешься таким уверенным... Неужели тебя совсем не страшат угрозы, которые таит в себе этот переход? Преодолеть миллиарды световых лет... Я не знаю, способна ли выдержать подобное хрупкая человеческая плоть. Но даже если тело уцелеет, что ждёт нас на той стороне? Не столкнёмся ли мы с мгновенной агрессией чужого разума? И не свирепствует ли в тех далёких мирах та самая космическая чума из древних легенд?

— Именно поэтому для первого шага мы выбрали мир, чьё развитие уступает нашему. Разумеется, мы просчитываем все возможные сценарии, но если ситуация выйдет из-под контроля... что ж, каждый, кто ступит туда, должен быть готов заплатить своей жизнью.

— А же ты?.. — При мысли о том, что Морис занимает пост фронтового командующего, сердце Хань Цзина тревожно сжалось.

— Я уйду в Звёздные врата первым, — негромко, но твёрдо произнес Морис. — Я обязан лично ответить за верность своих расчётов и за безопасность тех, кто пойдёт за мной.

В его сознании вновь всплыли обрывки снов: далёкие скопления звёзд, мерцающие кольца переходов... Словно неведомый, непреодолимый зов из глубины веков влёт его за собой, требуя сделать этот шаг.

«Это я заставил всех поверить в реальность Звёздных врат, — пронеслось в мыслях Мориса. — Вся исследовательская работа Базы № 9 строится на моих выводах. И если проект потерпит крах, отвечать перед трибуналом в первую очередь придётся мне...»

Он ненадолго замолчал, прогоняя наваждение, и вновь коснулся пальцем светящегося набора рун у планеты:

— Имея дело с наследием Атлантиды, глупо рассчитывать на стопроцентные гарантии. Но пока у человечества остаётся хотя бы призрачный шанс расширить свои границы, мы обязаны идти вперёд.

— Взгляни на этот маркер. Я уже внёс его в твою рабочую ведомость вместе с ещё несколькими цепочками данных — теми самыми, над которыми ты безуспешно бился последние дни. Тебе не нужно ломать голову над их происхождением. Твоя единственная задача — завершить математическое обоснование хотя бы для одной группы этих координат. Именно на это я и рассчитываю.

— Насчёт энергообеспечения Звёздных врат тоже не беспокойся, здесь я решу вопрос иными путями. — Озвучив последнюю задачу, Морис убрал руку с панели управления и сошёл с платформы. Исполинские спирали галактик и яростный блеск звёзд мгновенно растаяли в пустоте. Вокруг вновь сомкнулся тусклый изумрудный полумрак лаборатории, от резкой смены декораций у Хань Цзина на секунду поплыло перед глазами.

— Вот и всё, чем я хотел с тобой поделиться. Коль скоро провидение наделило тебя редким даром ментального резонанса с Атлантидой, я не сомневаюсь: ты идеально подходишь для этой работы и сумеешь рассчитать координаты перехода.

Хань Цзин на мгновение погрузился в размышления.

— Математика — наука точная и суровая, — заговорил он. — Если в формулы закрадываются неопределённые переменные, конечный результат неизбежно окажется под угрозой. Мне необходимо регулярно сверяться с тобой. В конце концов, часть этих данных ты ведь тоже получил благодаря своей интуитивной сонастройке, верно?

— Мы могли бы обсуждать это по вечерам, прямо здесь, в секторе ROEDLAS.

— Я бы предпочёл обедать вместе, — Хань Цзин поправил дужку очков, решив ковать железо, пока горячо. — Двух часов вполне хватит, чтобы обсудить все спорные моменты. К тому же из-за бесконечных переработок я больше не смогу, как раньше, караулить тебя по вечерам в секторе ROEDLAS. Я буду возвращаться в жилой блок слишком поздно, а тебе сейчас категорически запрещено принимать Содиум...

— Если не будет срочных совещаний, я не против совместных обедов, — поспешно перебил его Морис, явно желая поскорее закрыть щекотливую тему.

Генерал почувствовал, как к щекам приливает предательский жар. Лишённое привычной химической блокады тело, ещё не успевшее полностью оправиться от вчерашней бурной ночи, вновь отозвалось едва заметной, томительной истомой.

Попытавшись скрыть неловкость за привычной холодностью, он процедил:

— Но учти, я обедаю исключительно в «Нерее»...

— Без проблем. Я сниму для нас отдельную ложу на Коралловом уровне. Какой вид тебе больше нравится — на красные рифы или на лунных медуз? — Хань Цзин даже бровью не повёл, услышав название баснословно дорогого заведения, и лишь мягко улыбнулся.

Морис на секунду растерялся. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы ответить какой-нибудь высокомерной колкостью, но не успел — его талию обхватили сильные, тёплые руки. Пользуясь секундным замешательством генерала, Хань Цзин притянул его к себе. Морис инстинктивно напрягся всем телом, готовый оттолкнуть наглеца.

— Позволь мне просто обнять тебя, Морис.

В мягком голосе Хань Цзина прозвучало едва уловимое беспокойство. Сердце Мориса невольно пропустило удар. Он не понимал, что вдруг стряслось с этим человеком, который мгновение назад вел себя как строгий исследователь, но всё же опустил руки и послушно замер, позволяя согреть себя объятиями.

Пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами, Хань Цзин сильнее сжал объятия. Лишь спустя минуту он глухо спросил:

— Морис... Скажи, право первого перехода получают только сотрудники передового отряда?

— Я хочу шагнуть в эти врата вместе с тобой. Что бы ни ждало нас по ту сторону — спасение или гибель, — в самый опасный момент я хочу быть рядом с тобой.

Хань Цзин поднял голову, заставив Мориса встретиться с ним взглядом. Морис всегда считал эти мягкие восточные черты излишне утончёнными, почти хрупкими для суровых военных будней, но сейчас на лице его спутника запечатлелась непоколебимая, стальная решимость.

Морис промолчал, лишь крепче сжал его пальцы. В лазурном взгляде генерала проступили редкие, несвойственные ему эмоции.

Огромные риски, связанные с переходом через Звёздные врата, пугали почти каждого на базе. Первая попытка грозила обернуться мгновенной смертью, при которой от человека не осталось бы даже праха. Из-за этого число добровольцев, вопреки ожиданиям командования, оказалось ничтожно малым. В итоге ядром исследовательской группы решено было сделать профессиональных военных, готовых беспрекословно выполнить любой приказ. Это была ещё одна причина, по которой Морис должен был возглавить переход лично.

Конечно, Морис прекрасно понимал, ради чего Хань Цзин готов рисковать жизнью. Он пристально разглядывал его мягкие черты — с привычной прохладцей, но не в силах отвести глаз ни на секунду.

Этот чистый, глубокий взгляд — точь-в-точь как в тех таинственных видениях — неотступно следовал за ним, баюкая мягкой, обволакивающей нежностью.

Морис на мгновение потерял связь с реальностью. Повинуясь смутному порыву, он коснулся виска Хань Цзина и осторожно снял с него очки — последнюю преграду, мешавшую пробуждению памяти. Без этого барьера запертые в глубине души воспоминания вырвались на волю, подобно тёплому весеннему ветру, бережно ласкающему истерзанный разум.

Коснувшись пальцами переносицы, Хань Цзин уловил едва заметную перемену в состоянии генерала. Он затаил дыхание, чуть наклонил голову и мягко потянулся к его губам.

Морис слегка вздрогнул, словно в нерешительности пытаясь отстраниться...

Хань Цзин бережно сжал его плечи, чувствуя, как прерывисто вздрагивает чужая грудь. Он замер на мгновение, не желая торопить события, и уже собирался отстраниться, как вдруг Морис подался навстречу и сам увлёк его в поцелуй.

Это робкое, почти невесомое прикосновение губ выдавало его нерешительность и неопытность, но для Хань Цзина оно стало той самой искрой, от которой в груди мгновенно вспыхнул всепоглощающий, безумный пожар.